

Мавзолей Галлы Плацидии

Стоит повернуться на 180 градусов – и перед нами, на другом краю лужайки – мавзолей Галлы Плацидии, построенный при ее жизни. Правда, она им так и не воспользовалась, т.к. умерла и была похоронена в Риме (в 450 г.). Почти всю свою жизнь мавзолей прослужил церковью, хотя всегда помнил о своем происхождении, а теперь служит музеем. Два слова о Галле Плацидии, которая вполне заслуживает, чтобы о ней не забыли. В отличие от императрицы Феодоры, - самых знатных кровей: дочь, сестра и мать византийских императоров, она пережила остготский плен, из которого была выкуплена братом, и по его поручению управляла из Равенны всей Западной частью империи сначала от своего имени, а затем в качестве регентши малолетнего сына, будущего императора Валентиниана III.

Мавзолей относится к иному византийскому типу центрического плана – крестово-купольному, который гораздо позже нашел широкое распространение на Руси. Он представляет собой почти равноконечный (греческий) крест, пересечение ветвей (средокрестие) которого поддерживает купол. Каждая ветвь креста перекрыта коробовым сводом, так что торцевые стены имеют полукруглые завершения. В древнерусской архитектуре фасадные стены поначалу всегда отражали внутреннюю структуру здания, и полукруглые верха наружных стен имели специальное название – закомары. Здесь же закомары замаскированы треугольными фронтонами с двускатной крышей над каждым, и кроме того, купол скрыт снаружи кубообразной надстройкой. Еще одно отличие состоит в том, что свободные углы между ветвями креста здесь не охватываются наружными стенами с образованием в плане прямоугольника, как это делается в русских храмах. Лишь в одном русском памятнике мы видели нечто подобное – соборе Спасомирожского монастыря во Пскове. *(Кстати, о пернатых... Несколько слов об этом монастыре будет ниже)*

Структура мавзолея воспроизводит, только в гораздо меньшем масштабе, построенную св. Амвросием в конце 4 в. церковь Сан-Назаро-ин-Броло в Милане с той лишь разницей, что ветви креста в ней перекрыты не крестовыми, а коробовыми сводами.

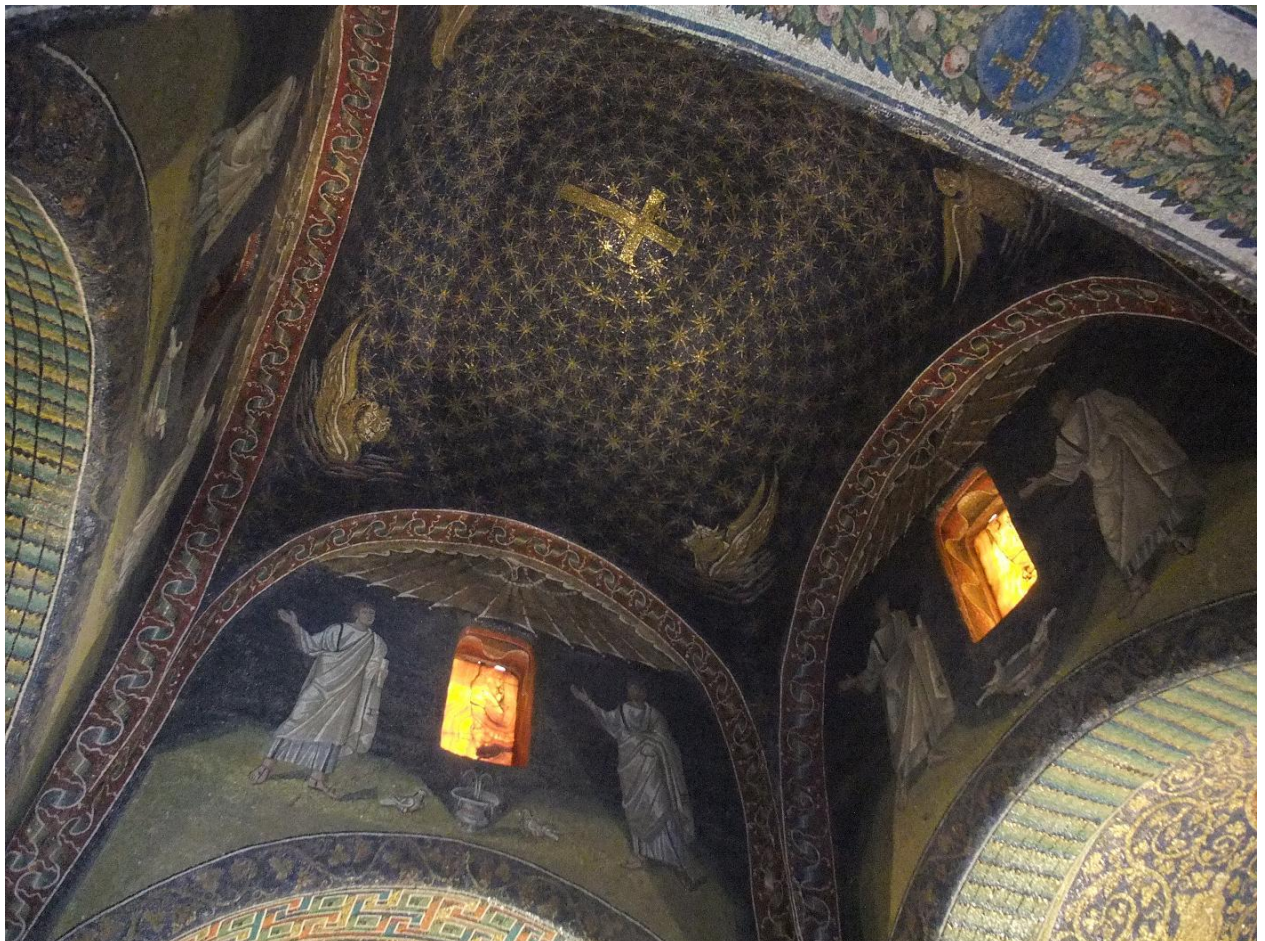
Сам мавзолей маленький и невзрачный, к тому же значительно ушедший в землю. Его стены украшают простые плоские ложные арки и профилированный карниз, распространяющийся также на фронтоны. Окошки, редкие и узенькие, обещают полную темноту в интерьере, однако таят в себе сюрприз, раскрывающийся изнутри. В общем, еще одно воплощение христианского принципа ничтожности внешнего и ценности духовного (внутреннего) совершенства, вполне оправдавшее ожидания.

Войдя, мы оказались внутри волшебной шкатулки. Правда, ничего бы не увидели, если бы не умелая искусственная подсветка, направленная снизу вверх. Но при этом условии нас просто ослепил блеск мозаик, покрывающих сплошным ковром все верхнее пространство стен, сводов, купола, парусов и

арок – яркие неровные кусочки смальты отражают свет разными гранями и сияют, как драгоценные камни. Немного привыкнув к этому сиянию, начинаем рассматривать собственно сюжеты – и поражаемся снова: ничего подобного до сих пор мы не видели. Перед нами – первая глава христианского искусства, стилистика которого целиком заимствована из античного. Византийское искусство, образцы которого мы видели ранее, черпающее из того же источника, видимо, не успело еще в этот период, в первой половине 5 в., выработать самостоятельные приемы и образы.

Купол – ночное небо со звездами, образ Спаса-Вседержителя, характерный для православной версии, заменяет крест, в парусах – символы четырех евангелистов, изображения которых в этих местах войдет позже в канон. На четырех стенах вокруг купола – апостолы в римских одеяниях со сложными и вполне естественными складками.

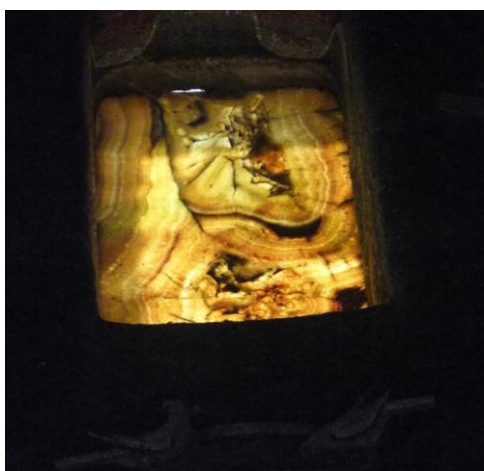
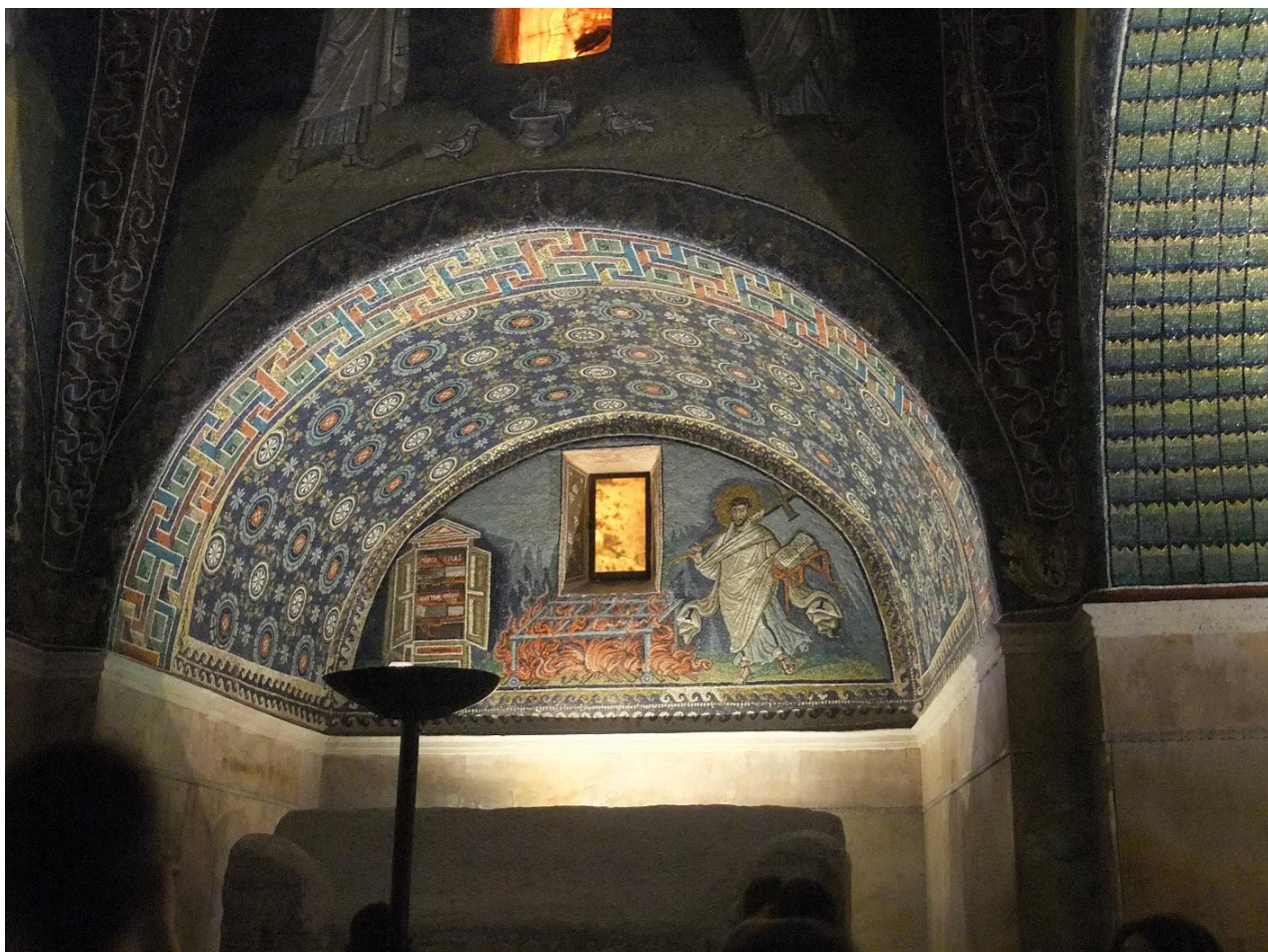
Всего две сложные композиции - в люнетах (полукруглых верхах стен) дальних частей рукавов креста: над входом – Христос в виде доброго пастыря с овцами и в противоположном рукаве – идущий на казнь св. Лаврентий. Сцены противоположны не только топографически, но и по смыслу и настроению картин.

Сцена с Христом – прекрасно выполненная пастораль: естественные краски пейзажа, голубое небо (никакого золотого фона, разве что в кайме, обрамляющей всю сцену, и то чуть-чуть), сложная, но вполне натуральная поза, естественные складки одежды. Разумеется, она полна христианского символизма, который я оставляю за рамками рассказа. Важно, мне кажется, только то, что Христос здесь изображен хоть и молодым и безбородым, но не глуповатым юношей, какого мы видели раньше (на самом деле – в более поздних мозаиках), а внутренне глубоко зрелым человеком, и взгляд его, устремленный вдаль (хотя рука направлена к овечке), полон чего-то там затаенного внутри. К. Верман утверждает, что «Во всей римской мозаичной живописи нельзя найти другого образа столь благородного и величественного».

В сцене напротив молодой Лаврентий решительно идет на казнь на костре с решеткой, неся свой крест и глядя прямо нам в глаза. Развивающиеся складки одежды подчеркивают динамизм фигуры.

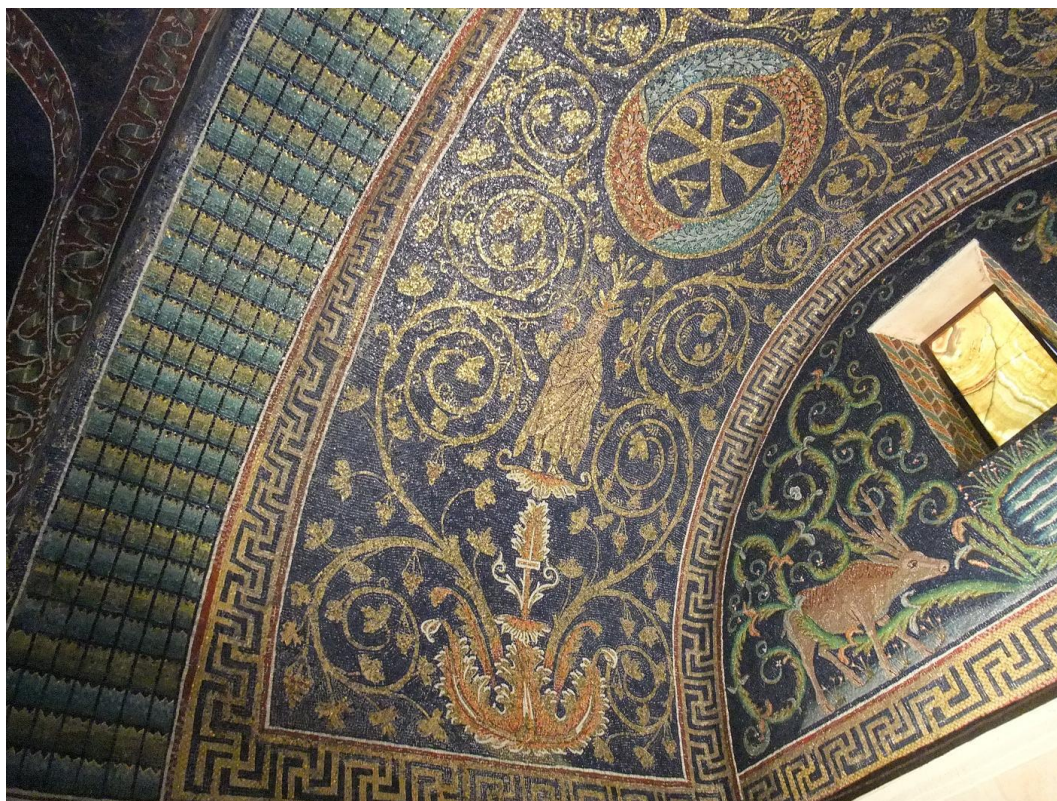
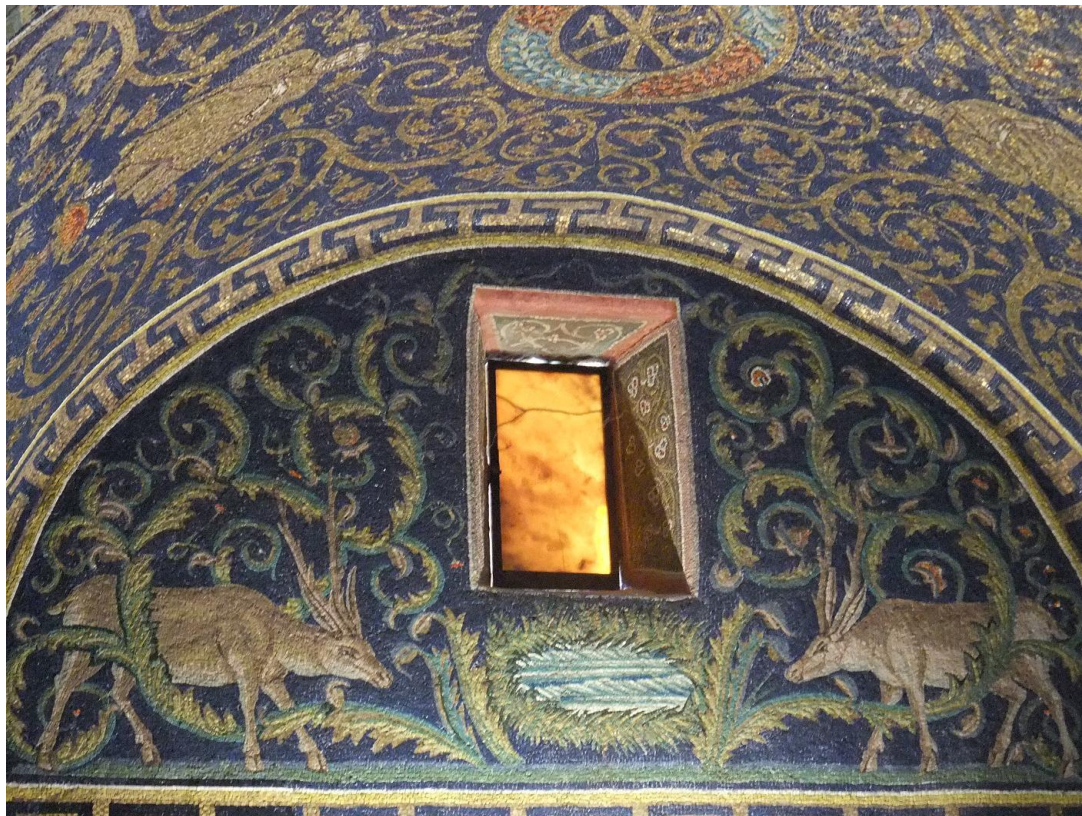

Изображенный огонь кажется нереальным по сравнению с огнем, как будто в печи, льющимся из окна, и в этом – обещанный сюрприз: все окна затянуты каменными пластинами, настолько тонкими, что проникающий снаружи свет вместе с цветом камня производит впечатление яркого натурального огня.

Такие «пылающие очаги» раскиданы по всем стенам; в сочетании с расставленными у стен саркофагами лично у меня они вызвали ассоциации не с камином, а с крематорием. Даже с декоративной точки зрения они мне кажутся не очень удачной находкой: очень красивые сами по себе, они создают цветовые доминанты, по яркости превосходящие мозаики, и отчасти затмевают их. *Странная ассоциация! Мне ничего такого не привиделось. Довольно эффектно, но только при ярком солнце.*

Между тем заполнение остальных поверхностей создает впечатление райского сада, спущенного в данное помещение. Богатые растительные орнаменты, ковровые узоры из различного вида розеток, олени, голуби у ног апостолов, которые гуляют вокруг вазы, сидят на ее краю или, нагнувшись, пью из нее воду – все это по-античному естественно и живо. В общем, красота необыкновенная.

Несколько погодя, уже выйдя из мавзолея, начинаешь понимать, что здесь мы видели то, что называется искусством в полном смысле этого слова, сочетающим жизненную правдивость изображения с психологической глубиной образов и декоративной прелестью. Может быть, этот образец и не самый совершенный из всего созданного в мире, но, во всяком случае, он ставит именно такие задачи и во многом успешно их воплощает. В отличие от более поздних образцов – следующего, 6 в., которые, безусловно, тоже являются искусством, но – лишь декоративным и только изредка – портретным. И куда все делось...